

Кузнецова Евгения Викторовна

СЛОЖНОСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "ИДИОТ"

В статье сложность поведения героев Достоевского рассмотрена в соответствии с аксиологическим аспектом. Внимание сосредоточено на неоднозначности "красоты", в которой угадываются свойства полноценного идеала как ценности высшего порядка. Носителями красоты выступают в романе Настасья Барашкова и князь Мышкин. У первой красота питается сочетанием гордости и страдания. На примере центрального героя выясняется, что для действенности этого идеала принципиально примиряющее воздействие третьего начала - смирения. Без участия стихии страдания гордость может оборачиваться лишь жизненной нормой, страдание - подниматься на уровень ценности, и лишь смирение позволяет красоте обретать статус идеала.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2009/1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2009. № 1 (3). С. 115-117. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2009/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ABOUT SPELLING INTERPRETATIONS

Koposov D. R.

Department of Russian Language History and Linguistics
Kazan State University
dandocs@mail.ru

Abstract. The problem of the changes of language lexical structure and the ideas concerning the word-formation structure of a word as the reasons of spelling formulation "expansion" and changes of opinions concerning particular spelling problems in the history of Russian linguistics is considered in the article.

Key words and phrases: lexical structure of language; word-formation structure of word; spelling formulations; spelling problems; Russian linguistics.

СЛОЖНОСТЬ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ГЕРОЕВ РОМАНА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Кузнецова Е. В.

Кафедра русской классической литературы
Магнитогорский государственный университет
j.kuznecova@mail.ru

Аннотация. В статье сложность поведения героев Достоевского рассмотрена в соответствии с аксиологическим аспектом. Внимание сосредоточено на неоднозначности «красоты», в которой угадываются свойства полноценного идеала как ценности высшего порядка. Носителями красоты выступают в романе Настасья Барашкова и князь Мышкин. У первой красота питается сочетанием гордости и страдания. На примере центрального героя выясняется, что для действительности этого идеала принципиально примиряющее воздействие третьего начала - смирения. Без участия стихии страдания гордость может оборачиваться лишь жизненной нормой, страдание - подниматься на уровень ценности, и лишь смирение позволяет красоте обретать статус идеала.

Ключевые слова и фразы: герои Достоевского; аксиологический аспект; неоднозначность «красоты»; полноценный идеал; ценность высшего порядка; центральный герой.

В романах Достоевского для любого героя (за исключением эпизодических) можно определить своего рода "аксиологическую позицию". Она может пониматься как комплекс свойственных персонажу аксиологических ориентиров (норм, ценностей и идеалов). Сложность психологии и поведения героев Достоевского находит себе соответствие в аксиологической сложности. И дело не только в том, что по своему составу сложны сами упомянутые комплексы ориентиров. По замыслу автора, под влиянием сюжетных событий у героев на сознательном и подсознательном уровнях идут процессы *переоценки ценностей*. Наиболее яркое выражение это находит в том, что нормы, ценности и идеалы могут как бы подменять друг друга. Можно также предположить, что сложность и динамичность аксиологической позиции героев бывает обусловлена у Достоевского и подвижными, меняющимися приоритетами. Как ложные, так и истинные идеалы, ценности или нормы могут по-разному сочетаться, вступать в конфликт друг с другом, а также меняться в своём собственном значении. Попробуем найти этому подтверждения в художественном мире романа "Идиот".

Прежде всего обратим внимание на такой значимый в этом романе ориентир как *красота*. В нём угадываются свойства подлинного идеала. Достоевский не раз утверждал необходимость идеала для человека, прежде всего духовного. В «Идиоте» носителем идеала писателя выступает князь Мышкин. Ему приписано высказывание о том, что «красота спасёт мир», которое стало крылатым афоризмом. Отсюда следует, что красота при этом понимается именно как идеал, а не ценность или норма. Ведь «спасти мир» - задача очень масштабная.

В романе красота «загадочна», поскольку связана с очень разными признаками, а также с разным возможным воздействием на людей и на окружающий мир. Сам Мышкин избегает прямо «судить о красоте», однако автор, во-первых, раскрывает в ремарках особенности восприятия ее героем. Например, вот какое впечатление оказывает на Мышкина портрет Настасьи Филипповны: «Это необыкновенное по своей красоте и еще по чему-то лицо сильнее еще поразило его теперь. Как будто необъятная гордость и презрение, почти ненависть, были в этом лице, и в то же самое время что-то доверчивое, что-то удивительно простодушное; эти два контраста возбуждали как будто даже какое-то сострадание при взгляде на эти

черты. Эта ослепляющая красота была даже невыносима, красота бледного лица, чуть не впалых щек и горевших глаз; странная красота!» [Достоевский, 1976, с. 68]. А еще раньше сам герой делится впечатлением от этого же портрета, избегая самого слова «красота»: «Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!» [Там же, с. 32].

Во-вторых, генеральша Епанчина, рассматривая тот же портрет, всё-таки вынуждает Мышкина к признанию: « - Так вы такую-то красоту цените? - обратилась она вдруг к князю.

- Да... такую.... В этом лице... страдания много... - проговорил князь как бы невольно, как бы сам с собою говоря, а не на вопрос отвечая» [Там же, с. 69].

Эти цитаты позволяют уточнить понимание возможностей красоты как идеала в мире Достоевского. Прежде всего, поразившая Мышкина красота героини передана через сочетание контрастных признаков - гордости и страдания. Сам герой при этом почти непроизвольно высказывает пожелание: «Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!». Едва ли при этом имеется в виду, что «мир будет спасен» такой красотой. Мышкин подразумевает судьбу героини и предвидит возможность её гибели. А что прошедшая через унижительные страдания гордость способна быть разрушительным началом - это герои Достоевского хорошо знают по своему опыту. (Например, Раскольников в романе «Преступление и наказание»). В то же время, согласно реплике Мышкина, остаётся возможность - преобразить драматичный контраст гордости и страдания началом добра. Только тогда «всё было бы спасено». И это также известно по опыту из предыдущего романа (воздействие Сони Мармеладовой на Раскольникова).

Красоту Настасьи Филипповны невольно признают все. Но даже те персонажи, кто настроен по отношению к героине недоверчиво или враждебно, как правило, признают активную выразительность красоты (как, например, в сцене несостоявшегося венчания Настасьи Филипповны и князя Мышкина).

Итак, Мышкина красота Настасьи Барашковой покорила выражением в ней гордости и страдания. Это не признаки самой красоты, потому что «гордиться» и «страдать» может любой человек. В романе это показано на примере многих несимпатичных персонажей (например, Гани Иволгина). В случае с Настасьей Филипповной речь идёт о началах гордости и страдания, которые порождены её драматичной судьбой и наложили отпечаток как на её характер, так и на внешность. Мышкин желает ей пропитаться и другим началом - добром. Оно может примирить гордость со страданием, поможет простить виновников её участи и будет способствовать к перемене этой участи. Таким образом, за пожеланием Мышкина угадывается ещё одно начало, столь же масштабное, как гордость или страдание, но более еще важное. Это начало - *смирение*.

Ни гордость, ни страдание - не могут быть *идеалами* для человека, потому что оба эти состояния достижимы для каждого. Они могут носить характер другого аксиологического ориентира - *нормы поведения*. Кроме того, страдание может обернуться и подлинной *ценностью*. Она носит христианский характер. В романе «Преступление и наказание» «безвинное страдание принять» решил маляр Миколка, и последовать его примеру призывают Раскольникова следователь Порфирий Петрович и Соня Мармеладова. А в последнем романе Достоевского этот же путь избирает Дмитрий Карамазов.

Если в приведенных примерах страдание является ценностью (которой нелегко достичь), то для Настасьи Филипповны в «Идиоте» это *норма* самочувствия, что угадывает Мышкин и никогда не упускает из виду, не обманываясь легкомысленным поведением героини. Её страдание, в сочетании с природной гордостью, оборачивается разрушительной силой. Живительным, примиряющим началом могла послужить доброта, в которой выразилось бы *смирение*. Это последнее начало является настолько масштабным, что может «погасить» любую гордость, компенсировать любое страдание. Именно смирение угадывается и в стремлении к страданию упомянутых героев - Миколки, Раскольникова, Дмитрия Карамазова. Но если страдание - достижимая цель и потому может пониматься как ценность, то смирение достижимо не для всех и не всегда. Например, Карамазову оно оказалось не по силам (он задумывает побег). Также и Раскольников по-настоящему не смирился даже на каторге. Таким образом, смирение в мире Достоевского выступает в статусе подлинного *идеала*.

Большинство исследователей согласны в том, что «Достоевский свой идеал душевной красоты воплотил в образе» центрального героя романа «Идиот» [Бабович]. Видимо, такое впечатление связано с тем, что почти в любом поступке Мышкина выражается смирение. Вот, например, как сам герой оценивает свои возможности: « - Есть такие идеи, есть высокие идеи, о которых я не должен начинать говорить, потому что я непременно всех насмешу /.../ У меня нет жеста приличного, чувства меры нет; у меня слова другие, а не соответственные мысли, а это унижение для этих мыслей. И потому я не имею права...» [Там же, с. 283]. В ответ на это влюблённая в него Аглая негодует («Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех!»), однако в её характеристике не хватает самого важного: он ещё и смиреннее всех. А этого последнего гордая по своей природе героиня оценить не способна, поэтому и обвиняет его: «Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех? Зачем вы все в себе исковеркали, зачем в вас гордости нет?» [Там же, с. 283]. Она не способна понять, что он не «ставит себя ниже всех», а напротив, по этической логике Достоевского, оказывается «выше всех» только потому, что смирение выражается в его отношении как к самому себе, так и ко всем окружающим. Мышкин смиряется даже тогда, когда предвидит роковую развязку событий. Он, например, уже не надеется на счастье ни для себя, ни для Настасьи Филипповны, ни для Аглаи. Ситуация сложилась таким образом, что, по его аксиологическим приоритетам, остаётся только одно: попытаться хотя бы спасти жизнь одной женщине, даже ценой счастья другой. Это

смирение «запредельное» - в том смысле, что оценить или даже понять его не способен никто из окружающих.

Важно, что Мышкин демонстрирует возможность абсолютного смирения не только на примере собственных поступков. Он пытается это «пропагандировать». Правда, в романе нет примеров каких бы то ни было поучений с его стороны. Однако в ответ на просьбы или вопросы он с готовностью даёт советы, которые, во-первых, всегда этически безупречны, а во-вторых, пронизательны. Так, например, Ипполиту Терентьеву он советует:

«- Пройдите мимо нас и *простите нам наше счастье!* - проговорил князь тихим голосом» (в цитатах курсив мой. - Е. К.) [Там же, с. 433].

Умирающий от чахотки Ипполит поражён пронизательностью Мышкина. Тот понимает главное страдание больного юноши, который мучительно завидует: остальные могут не только просто *жить*, но и быть *счастливыми*. Совет князя Ипполиту - избавиться от эгоизма в собственном несчастье - означает: *смириться*. Это всё тот же этический урок, невыполнимый для всех, кроме самого князя Мышкина. Это его *ценность*, остающаяся для остальных недостижимым *идеалом*.

Список литературы

Бабович М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 8.

THE COMPLEXITY OF THE AXIOLOGIC POSITION OF THE HEROES OF THE NOVEL "IDIOT" BY F. M. DOSTOEVSKY

Kuznetsova E. V.

Department of Russian Classical Literature
Magnitogorsk State University
j.kuznecova@mail.ru

Abstract. In the article the complexity of the behaviour of the heroes of Dostoevsky is considered according to the axiologic aspect. The attention is concentrated on the ambiguity of "beauty" in which the properties of high-grade ideal as the value of supreme order are guessed. Nastasya Barashkova and prince Myshkin act as the carriers of beauty in the novel. Nastasya's beauty is based on the combination of pride and suffering. On the example of the central hero it is found out that for the effectiveness of this ideal reconciling influence of the third basis - humility - is essential. Without the participation of the elements of suffering pride can only turn around to be a life norm, suffering can only rise to the level of value, and only humility allows beauty to get the status of an ideal.

Key words and phrases: Dostoevsky's heroes; axiologic aspect; ambiguity of "beauty"; high-grade ideal; value of supreme order; central hero.

ИНФОРМАТИВНЫЕ КОСВЕННЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ XX ВЕКА

Кузнецова С. В.

Мичуринский государственный аграрный университет
soph-i-co@yandex.ru

Аннотация. В данной статье приведен прагмалингвистический анализ информативных косвенных речевых актов, представленных в русских художественных текстах XX века.

Ключевые слова и фразы: прагмалингвистический анализ; информативные косвенные речевые акты; русские художественные тексты XX века.

Информативные акты речи направлены на получение или передачу информации, среди них выделяют:
- репрезентативы, описывающие определённое положение дел:

Тщетно затвердил он, вызывая в душе образ Катю: «Хорошая невеста, добрая моя невеста!» - любимый образ оказался будто выведенным мелом на школьной доске: злой учитель стер его губкой, и теперь оказалась там как есть пустота [Белый, 1990, с. 39].

- директивы, выражающие побуждение: